

Н И К О Л А Й
СВЕЧИН

*Кубанский
огонь*

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

В оформлении обложки использованы фотографии:
© Gennady Grechishkin, Dan-Rus / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Свечин, Николай.

С24 Кубанский огонь : роман / Николай Свечин. – Москва : Эксмо, 2022. – 416 с. – (Детектив Российской империи).

ISBN 978-5-04-121231-5

В январе 1911 года в Новороссийске ограбили банк. Более десятка вооруженных налетчиков ворвались внутрь, убили городского, похитили крупную сумму денег и ушли в горы, отстреливаясь от погони. Схватить их не удалось. Однако агентура сысского отделения Екатеринодара выяснила, что к ограблению причастен черкес Кайтлесов. Арестованный бандит дал очень необычные показания. Бандой руководит некий Варивода. На руках у атамана имеется загадочное оружие – «Кубанский огонь», которое выстреливает зажигательные бомбы на большое расстояние. С помощью этого оружия Варивода планирует какой-то страшный теракт в столице Кубанской области. Опасность угрожает всему Екатеринодару...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-121231-5

© Свечин Н., текст, 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

*Автор выражает признательность
Сергею Иванову и Михаилу Попенко
(корпорация «Девелопмент-Юг»)
за содействие и за самую идею
послать Лыкова в Екатеринодар.*

*Автор благодарит также
Игоря Сирица и Андрея Ступаченко
за ценные консультации.*

• 1 •

**ВЫСТРЕЛЫ В НОВОРОССИЙСКЕ
И ЧТО ЗА ЭТИМ ПОСЛЕДОВАЛО...**

Тридцатого января 1911 года Новороссийское отделение Русского для внешней торговли банка подверглось дерзкому нападению. Ровно в двенадцать часов внутрь с улицы зашли двумя группами несколько человек. Очевидцы потом спорили, сколько их было — не то десять, не то пятнадцать. Короче говоря, бандитов явилось много. Они были одеты в длинные черные балахоны, под которыми спрятали карабины. Городовой Димитрюк, что стоял на входе, заподозрил неладное и попытался их остановить. Его тут же убили... Нападавшие ворвались в помещение и открыли беспорядочную стрельбу. Кассир-артельщик получил легкое ранение в ногу, а управляющий — смертельное в пах (к вечеру он скончался в больнице). Посетители и работники банка не посмели сопротивляться такой орде вооруженных бандитов и безропотно отдали им деньги, включая содержи-

мое карманов. Налетчики перерезали телефонные провода, обчистили кассу и всей толпой вышли наружу. К тому времени служащие соседних контор уже почуяли неладное и телефонировали в полицию. Но та почему-то замешкалась. Бандиты в черных балахонах колонной двинулись по улице, держа карабины наперевес и стреляя во все живое. Поднялась паника, люди разбегались кто куда, женщины кричали и падали в обморок. Повсюду раздавался звон разбитых стекол, ржали раненые лошади, над городом стоял дикий вой. Четверо прохожих получили ранения разной степени тяжести. Никем не преследуемые, рассыпая вокруг себя свинец, негодяи добрались до нефтеперегонного завода. Они начали было подниматься вверх по склону горы Маркотх, отделяющей балку Адамовича от ущелья. Тут наконец подоспели конные стражники, и завязалась перестрелка. Двое бандитов упали, раненные. Но остальные подхватили их на руки и ловко взобрались на гору. Конники остались дожидаться пехоту. Подошли гарнизонные солдаты и тоже полезли наверх. Однако время уже было упущено. Преследователи обнаружили на вершине брошенные черные балахоны и мешок с серебряной монетой. Серебра оказалось на триста двадцать семь рублей. Еще сорок пять тысяч бандиты унесли с собой. Двое погибших, пятеро раненых — таким стал кровавый итог невиданного по дерзости экса.

Все налетчики благополучно скрылись от преследования.

Дознание по горячим следам не увенчалось успехом. Полиция арестовала троих подозреваемых, но всех их пришлось отпустить. Свидетели утверждали, что нападавшие были грузины. Затем они вспомнили, что в речи налетчиков звучали слова «ста-ка». По-армянски это означает «деньги есть». Значит, грабили армяне? Сыщики терялись в догадках, агентура молчала.

Новороссийск — столица Черноморской губернии, в 1896 году отделенной от Кубанской области. Длинная узкая полоса приморской земли тянется от Абрау до Гагр. Не губерния — смех... Свое сыскное отделение слабое, жандармское управление одно на двоих с соседями. Именно жандармы и не подкачали.

Агентура КОЖУ¹ в Екатеринодаре получила приказ и быстро его отработала. Осведомитель «Оренбургский» сообщил, что в нападении на новороссийский банк участвовал житель селения Бжегокай черкес Цук Кайтлесов. И сейчас он лихо пропивает добычу в увеселительном саду «Аквариум», что на левом берегу Кубани напротив пристани Дицмана.

Жандармы немедленно сообщили о добытых сведениях начальнику Кубанской области генерал-лейте-

---

¹ КОЖУ — Кубанское областное жандармское управление. (Здесь и далее примеч. авт.).

нанту Бабычу. Тот дал команду полицмейстеру Екатеринодара есаулу Захарову, а есаул поручил произвести арест начальнику сыского отделения коллежскому ассессору Пришельцеву.

Пришельцев решил лично задержать опасного туземца. И то сказать: штаты отделения ограничены, всего три надзирателя и четверо городских, особенно не разбежишься. Начальник взял самых боевых надзирателей — Ивана Жуковского и Степана Коржа. В последний момент к ним присоединился городской Вольский. Арестная команда явилась в увеселительное заведение вечером. В зимнем корпусе ресторана играл струнный оркестр, сидела подвыпившая публика, слышались смех и веселые крики. Как быть? Если налетчик станет стрелять, могут пострадать люди.

Пришельцев заслал внутрь Коржа, остальные сыщики спрятались за верандой. Надзиратель зашел, осмотрелся. И быстро обнаружил в углу стол, густо уставленный закусками и выпивкой, за которым расположились четверо черкесов. Ребята на вид были лихие, молодые и плечистые, все с кинжалами. Который из них Цук Кайтлесов? Вступятся ли за него трое других, когда начнется свара?

Корж с недовольной миной обошел зал, спросил полового:

— Савка заходил? Вечно здесь торчит.

— Не знаю такого, — буркнул служитель.

— Вот сатана, зелены очи! Навалю я ему духапельий, когда поймаю.

И надзиратель вышел обратно на улицу. Там стоялось совещание. Четверо против четверых. Но стол расположен удачно — слева дверь из подсобного помещения. Корж предложил выскочить оттуда и окружить туземцев. Пока они расчухаются, у каждого за спиной будет по сыщику. И револьверами сразу ткнуть в chapelник, чтобы напугать.

Пришельцев план утвердил, и операция началась. Сыскные проникли в кухню, осмотрели зал в щелку и ринулись туда. В одну секунду подозреваемые были окружены. Они ошарашенно вскочили, но их тут же усадили обратно. Один, ражий, с бельмом в глазу, схватился было за рукоять кинжала. Жуковский, отслуживший сверхсрочно в Пятом Кубанском пластунском батальоне, ощерился:

— Свистульку в башку хочешь? Дядя добрый, он может.

И парень с бельмом сразу отдернул руку. Уж больно зловеще выглядел надзиратель.

Коллежский ассессор спросил:

— Кто из вас Кайтлесов?

— Ну я, — ответил ражий.

— А другие кто?

— Кунаки с Хатакуевского аула. А что такое? Мы сидим тихо, кушаем. Зачем налетели?

— Ты не догадываешься? А кто банк в Новороссийске взял?

— Какой еще банк? Ты меня там видел?

Жуковский тут же отвесил горцу затрещину и поправил:

— К господину начальнику сыскного отделения надо обращаться «ваше благородие».

Воспользовавшись замешательством арестованных, сыщики обезоружили и обыскали их. У Кайтлессова, помимо кинжала, отобрали наган.

— Разрешение есть?

— Дома оставил.

— Снимай архалук¹.

Там во внутреннем кармане лежала толстая пачка денег. Пришельцев пересчитал их — почти две тысячи.

— Твои?

— Ага. С нефтяных промыслов я пришел, всю зиму работал. Вот...

— Что «вот»? Там тысячи платят? Это новость. Кто такой щедрый? Фамилию добытчика назови.

Черкес замялся.

— Поехали на Борзиковскую. Корж, гони сюда два экипажа. И пусть рассчитаются, черти драные...

Сыщики доставили арестованных на угол Борзиковской и Дмитриевской, в городское управление

---

¹ Архалук — иначе: бешмет.

полиции. Захаров вышел из кабинета, поглядел на них и молча удалился. Закипела обычная работа: новеньких фотографировали, обмеряли по системе Бертильона, записывали особые приметы. Затем кунаков налетчика посадили в камеры временного содержания, разослали на них запросы соседям. К обеду следующего дня пришли ответы. Трое жителей Хатакюя ни в чем предосудительном оказались не замешаны. Пришельцев вызвал их всех вместе и сказал:

— Смотрите, вы у меня теперь на заметке. Еще раз поймаю в дурной компании — сядете надолго. Пошли вон отсюда, цуценята.

— У меня рубль отобрали, пусть вернут, — ныбчился один.

— На том свете угольками рассчитаемся. Отрежь полы и тикай!

Сыщики занялись арестованным всерьез. Коллежский ассессор уже заметил, что Цук напуган. При налете на банк погиб городской. С этого главный сыщик и начал:

— Ты знаешь, что за убийство правительственного служащего полагается виселица?

— Не знаю никакого служащего.

— А городской Димитрюк? Военно-полевые суды уже отменили, но военно-окружной никуда не делся. Он тебя и вздернет.

— Вы сначала докажите, — продолжил хорохориться Кайтлесов, но голос его дрогнул.

— Брешет и ногой не загребает, — обратился Пришельцев к помощникам. — Думает, мы тут дети малые, не соображаем. Дурака кусок! У тебя отобрали банковские билеты. На них есть номера — понимаешь?

Туземец молча покачал головой.

— У каждой купюры свой номер. Их записали, когда деньги прибыли в банк. И теперь эти финажки нашли в твоём кармане. Смекнул? Говорю же: виселица. Если расскажешь мне прямо сейчас, как все было, и назовешь сообщников, выхлопочу тебе послабление. Получишь каторгу. Тоже, конечно, не повидло: у черта на куличках за скотом ухаживать, но хоть живой останешься.

В таком роде коллежский ассессор запугивал арестованного три часа и в конце концов добился своего. Черкес дал признательные показания. Он рассказал следующее.

В шайке, ограбившей в Новороссийске банк, стояло четырнадцать человек. Большинство приехали из Тифлиса: пять грузин и пять армян, все тертые. Трое других были одноаульцы из Бжегокая — сам Цук и его приятели братья Сопошוקовы. А последний, четырнадцатый, атаман, оказался наиболее интересным. По словам Цука, он единственный из всех принадлежал к русской нации. Но по характеру хуже

дикого абрека! Именно атаман застрелил городского и управляющего отделением. Он держал свою шайку в кулаке, велел не жалеть патронов, говорил, что люди — это гиль. Опасный, очень опасный; не дай Аллах в чем-то ему перечить. Кличка у атамана была — Варивода.

Тут сыщики встрепенулись. Они уже слышали о таком преступнике, есауле зловещей банды Полюндры. Эта банда терроризировала Кубанскую область весной и летом 1910 года. За четыре месяца она совершила в разных местах двадцать одно разбойное нападение. Двадцать пять человек были убиты или ранены. Командовал гайменниками беглый каторжник Степан Мащенко по кличке Полюндра. Он долго скрывался от полиции, а попался после убийства в Екатеринодаре семьи армянского торговца Саркисова. Тогда в своем доме были расстреляны муж, жена, пятилетний ребенок и прислуга. У дитя на шее была ладанка с молитвой — так принято у армян. Ладанку сорвали и вскрыли: нападавшие подумали, что в ней находился золотой крест. Эта деталь и подсказала Пришельцеву направление поисков. Сначала дознание полагало, что Саркисовых убили дашнаки за то, что торговец отказался дать денег на армянскую независимость. Но те не стали бы вскрывать ладанку с шеи мальчика. А вот русские, незнакомые с этим обычаем, могли.

Бандиты скрывались в станице Абинской. Сыщики приказали станичному атаману их арестовать. Тот, недолго думая, послал казака пригласить чужаков в правление... Злодеи убили посыльного и бежали; удалось задержать только их любовниц. Но след уже был взят. Вскоре обнаружили притон банды в самом Екатеринодаре, в доме № 52 по Графской улице. Там скрывались двое людей Полюнды: Ванька (Иван Самарцев) и Степка (Степан Драгунов). Ваньку взяли на квартире, а Степку уже ночью в публичном доме. Оба тут же сознались и выдали атамана. Степан Мащенко по кличке Полюндра был арестован в буфете гостиницы «Версаль» за распитием водки. Он не успел оказать сопротивление, хотя имел при себе два револьвера и пятьдесят патронов.

Во время дознания и всплыла впервые кличка Варивода. Бандиты рассказали, как убивали Саркисовых. Они рассчитывали найти у торговца крупную сумму. Но тот перед самым налетом отдал наличность под вексель, и в лавке обнаружилось лишь сорок рублей. Гайменники выпили пива — и прикончили семью и прислугу из револьверов. Сначала хотели оставить пятилетнего мальчика Саркисовых в живых. Ни у кого не поднялась рука, хотя все они были матерые убийцы. Но помощник атамана Варивода сказал: «Еще чего, свидетеля отпускать!» Он сорвал ладанку, вскрыл ее, обнаружив внутри вместо зо-

лота бумажку с молитвой, — и со злости застрелил ребенка.

К июлю прошлого года с бандой Полюндры было покончено. На скамье подсудимых оказался сорок один человек. Восьмерых во главе с атаманом повесили, еще восьмерых отправили на каторгу, девятерых укатали в исправительные арестантские отделения. Из главных преступников избежал наказания лишь есаул банды — его так и не нашли. И вот теперь он уже атаман и снова убивает людей.

Черкес очень хотел жить и потому рассказал все, что знал. По его наводке в Армавире взяли двух армян из числа грабителей, а в Батуме — пятерых грузин. Вместе с Сопошковыми за решеткой оказалась шайка почти в полном составе. Трех оставшихся армян искали по всему Кавказу, но безрезультатно. Сыскная полиция получила сведения, что они сбежали в Турцию. Также не удалось найти Вариводу и тридцать три тысячи из похищенных денег.

Пытаясь спастись от петли, Кайтлесов дал новые показания. Они настолько удивили сыщиков, что Пришельцев отправился на доклад к начальнику области.

Генерал-лейтенант Бабыч тоже ошалел от признаний черкеса и срочно телеграфировал в Тифлис кавказскому наместнику графу Воронцову-Дашкову. Еще бы! Инородец сообщил, что в ближайшее время

в Екатеринодаре произойдет террористический акт. Или сильный взрыв, или пожар, или и то и другое разом. Готовит его злодей Варивода, которого уже второй год не могут поймать. Подробностей задуманного арестованный не знал, он не входил в ближний круг атамана. Но рассказал, как месяц назад ездил с ним в окрестности Майкопа, туда, где добывают нефть. Сам Кайтлесов стоял на стреме. А главарь вместе с другим подручным ушел поближе к вышкам, неся с собой что-то тяжелое, завернутое в кошму. И вскоре одна из скважин загорелась...

Власти задумались. Майкопский нефтеносный район — их любимое детище, на его развитие возлагались большие надежды. Там однажды уже случился большой пожар, и его едва удалось потушить. Много нефти сгорело, еще больше попало в реки и отравило их. Не дай Бог все повторится. Кроме того, арестованный говорит о столице области. Взрыв или пожар должны случиться там, а не в юртах¹ казачьих станиц. Дело пахло керосином, и Бабыч отправился в Тифлис. Он сообщил новые подробности наместнику, и тот отнесся к ним со всей серьезностью.

Илларион Иванович Воронцов-Дашков был личным другом покойного государя Александра Третьего

---

¹ *Юрта* — низшее административно-территориальное образование на казачьих землях.

и нынешнего самодержца знал с пеленок. Должность Наместника Его Императорского Величества на Кавказе он нес ответственно, иногда даже чересчур. Канцелярия графа превратилась в нечто громоздкое, неуклюжее и с претензией на автономию. Отделы играли роль местных министерств и старались пореже связываться с Петербургом. Большинство вопросов они решали самостоятельно. Включая те, в которые не имели права вмешиваться... Но тут возник особый случай. Крупный акт планируется в столице нефтеносной области. Угроза общепасного повреждения имущества! Местная полиция явно не справляется. Как быть?

Наместник думал недолго и отбил в Петербург телеграмму. Он не любил опускаться до министров и адресовался прямо к императору. В телеграмме граф описал положение и высказался насчет необходимых мер. Проще говоря, он переложил в данном случае ответственность на МВД. Но так, чтобы приказ туда пришел с самого верха. Заключал свою депешу Воронцов-Дашков следующей фразой: «Лучше всего прислать Лыкова из Департамента полиции, он разберется».

Николай получил телеграмму и несколько дней никому о ней не сообщал. Тут было над чем подумать. Начиная с 1909 года газеты много трубили о «майкопском чуде». Тогда одно из обществ, производивших разведку

нефтеносных участков, вскрыло огромный пласт. Целый фонтан нефти вылетел в небо. Последствия были печальными: пожар, ущерб природе, большие расходы на ликвидацию бедствия. Но зато появился ажиотажный спрос на аренду участков. Особое рвение проявили англичане, а они, как известно, нация торговая, хитрая. Просто так англичанин и пенса не потратит, а тут полетели миллионы. На Лондонской бирже второй год горячка, новые акционерные общества растут, как грибы после дождя. Котировки их акций рвутся вверх, расталкивая старых эмитентов. Американцы зашевелились! В правительстве по этому поводу давно идет раздрай. Военное министерство хочет, чтобы нефтедобыча оставалась под русским контролем, и старается не допускать до аренды иностранцев. Министерство промышленности и торговли, наоборот, готово ввести для последних льготы, чтобы иностранцы активнее входили в новое и затратное дело. Своих-то средств у наших промышленников кот наплакал; без заграницы не обойтись. Власти на местах тоже хотят урвать кусок, требуют, чтобы без их согласия землю не раздавали. У нефти, судя по всему, огромное будущее. Золотая жила, которую надо холить, лелеять, развивать, всячески оберегать. А тут какой-то Варивода занес руку над целым городом. Екатеринодар не просто центр Кубанской области, он теперь и центр нефтедобычи. Их всего три на целую империю: Баку,

Грозный и вот теперь еще Майкоп. Беречь надобно их, беречь...

Царь вызвал к себе Столыпина и показал ему телеграмму с Кавказа. Премьер-министр, он же министр внутренних дел, сразу понял замысел Воронцова-Дашкова. И криво усмехнулся:

— Когда пахнет жареным, зовут на помощь нас? А на той неделе граф опять превысил свои полномочия в надзоре за Чиатурскими марганцевыми копиями. Я опротестовал его действия телеграммой, так он даже не ответил!

— Петр Аркадьевич, оставьте ваши дразги при себе, — резко пресек премьера государь. — Надоело. Давайте решать, как быть... в этом случае.

Столыпин несколько секунд обиженно молчал. Все чаще самодержец его обрывает. Ох, пора уходить... Вот только куда? В Государственный совет, просиживать белые штаны? Столько не доделано, работы непочатый край. А тут старый дурак Воронцов подкинул самодержцу бумажку, и на тебе. Брось все и подчищай дерьмо за наместником-марзматином.

— Что молчите? Лыков — это тот, кто охранял меня на выставке в Нижнем Новгороде в девяносто шестом году?

— Извините, ваше величество, не знаю: я в это время был ковенским предводителем дворянства в чине надворного советника.

— Тот, тот... — государь потрогал себя за ус. — Потом Дурново исхлопотал ему Станиславскую ленту. Помню, я спросил Лыкова, сколько раз он был ранен, и Лыков затруднился ответить.

Пройдясь по кабинету, царь резко повернулся к премьеру:

— А потом что было? Он не сумел найти пропавшую икону Казанской Божией Матери. Рассиропился. Не справиться, конечно, может каждый. Хотя нам с Александрой Федоровной тогда зудели, что лучше Лыкова в уголовном сыске никого нет. И вот! Образ не найден по сию пору, а у Аликс осталось отчетливое чувство, что Лыков не очень и старался. Плохо он себя показал в той истории. Не помню деталей, но помню, что плохо. Едва-едва я присвоил ему статского советника за прежние заслуги.

Столыпин молчал. Спорить с государем из-за какого-то Лыкова он не собирался и ждал приказаний. Собеседник это почувствовал и спросил:

— Что думаете? Посылать Лыкова в Екатеринодар или нет? Вдруг он опять провалит? И там что-нибудь взлетит на воздух, может, даже весь город?

— Думаю, надо послать, ваше величество. Провалит — в вашей воле его наказать. Тогда его ждет уже пожизненная опала. Статский советник это, безусловно, понимает. Он же хочет дослужиться до гене-

ральских чинов? Хочет, все этого хотят. Вот пускай и старается.

— Быть посему, — тут же согласился Николай. — Исполняйте просьбу кавказского наместника.

— Слушаюсь.

— Теперь о последнем заседании Думы. Очень мне не понравилось выступление Гучкова по малой морской программе. Неужели нельзя прищучить подлеца?..

• 2 •

КОМАНДИРОВКА

Товарищ министра внутренних дел, командир ОКЖ¹, заведующий полицией, генерал-майор в звании шталмейстера Курлов вызвал к себе Зуева и Лыкова. Нил Петрович сразу сказал подчиненному:

— Ох, чую, быть нам битыми.

— Это отчего же? — возмущился Лыков. — Вроде в империи все более-менее. Много хуже бывали времена, чем сейчас.

— Имеешь шею, а хомут найдется, — вздохнул директор Департамента полиции. — Ежели начальство вызывает, то не для того, чтобы чай пить с прини-

---

¹ ОКЖ — Отдельный корпус жандармов.

ками. Ты того... подготовь справку, что ли. О том, что более-менее. Сведи вместе хорошие новости: кого поймали, кого повесили, какая раскрываемость. А плохие новости прибереги для устного доклада.

— Будет сделано.

В итоге действительный статский и просто статский советники полдня просидели за составлением отчета. Когда они зашли к начальству, выяснилось, что справки готовили зря. Курлов сразу заговорил о другом:

— Господа полицианты, а как у нас обстоят дела в Кубанской области?

Полицианты переглянулись, и Лыков ответил:

— Есть проблемы.

— Какие?

— Бандитизм.

— Так он у нас повсюду, — заметил генерал-майор. — Или я чего-то не понимаю?

Курлов уважал Зуева, которого он отстоял перед Столыпиным два года назад. Тогда с должности директора департамента ушел Трусевич, причем обиженный, со скандалом. Нил Петрович служил вице-директором с 1903 года и был первым кандидатом на замещение должности. Но Столыпин относился к нему пренебрежительно и два месяца мариновал в исправляющих обязанностях. Курлов добился своего, выставляя достоинством кандидата его знания

по хозяйственной и финансовой части. На вопрос, а кто станет заниматься политическим сыском, Курлов ответил: я сам. Зато буду уверен, что с кредитом и отчетностью проблем не возникнет... Эти несколько оскорбительные для Зуева аргументы тем не менее сработали, он получил должность. Сыск уголовный, как всегда, никого из власть предержащих не интересовал.

Лыкова же генерал недолюбливал за излишнюю самостоятельность, сопровождаемую, по его мнению, самоуверенностью. Плюс за очевидно скептическое отношение к начальству. Отслужив пару лет в Лейб-гвардии Конно-гренадерском полку, Курлов считал себя военным и потому превыше всего ценил дисциплину. Отношения товарища министра и статского советника не задались с самого начала. История в Одессе едва не стоила Лыкову должности¹. Потом они с Азвестопуло отличились в Иркутске, и туча вроде бы рассеялась. Помог и барон Таубе: он несколько раз донес до сведения генерала, с каким уважением относятся к Алексею Николаевичу в Военном министерстве. В результате холодок в отношениях остался, но служба шла своим чередом.

— Так что с бандитизмом?

---

¹ См. книгу «Одесский листок» сообщает».

Лыков почтительно пояснил:

— Он был везде, Павел Григорьевич. Года примерно до девятого. В некоторых местностях даже до десятого. Но власти постепенно его искоренили. Шайки, конечно, остались, они всегда были и всегда будут. Но количество, масштаб злодейств сильно уменьшены полицией. Везде, кроме Кубанской области.

— Вот как? Там преступность никак не обуздают? Значит, Бабыч не на месте?

Зув с Лыковым одновременно запротестовали:

— Генерал Бабыч — твердый администратор, он ладит с местным населением и с должностью своей справляется вполне успешно.

— В чем же тогда дело? — повысил голос Курлов. — Сами говорите: у всех покончили, а у него как пятый год.

— Это особенность юга, — стал терпеливо объяснять статский советник. — Я погорячился, сказав, что так лишь на Кубани. В Одессе, на Кавказе, вокруг Иркутска, в Харьковской губернии и кое-где еще ситуация пока отличается от общероссийской. Но местные власти делают все необходимое. К концу года, полагаю, и там наступит успокоение.

— Однако чем Кубанская область отличается, например, от Нижегородской? Там казаки, они люди военные, всегда при оружии. Почему допустили?

— Да, казаки — опора администрации. Но в области, особенно на линейном берегу Кубани¹, много хуторов, выселков и отдельных подворий. Там хозяйствуют не только и не столько казаки. Земля богатая, народ зажиточный; преступникам есть чем пожить. И станица далеко, помощь придет не скоро. В результате добычи много больше, чем в бедной Нижегородской губернии. А раз есть что отобрать, находятся и отбиратели.

Курлов с сомнением покачал головой:

— Объяснение неправдоподобное.

Но Зуев опять поддержал своего чиновника:

— Павел Григорьевич, Лыков прав. Местность беспокойная. С черноморского берега заглядывают черкесы, с Кавказа абреки, да и свои не зевают. На нефтяные прииски берут всякий сброд...

— И много там шаек сейчас?

— Кое-кого уже окоротили, — напомнил начальнику сыщик. — Того же Полюндру, например. Или «факельщиков», которые подъезжали на конях с горящими факелами и грозили сжечь дом, если их не впустят. А когда перепуганные хозяева открывали двери, их безжалостно резали. Поймали Сашку Персюка с его кодлой. Сейчас на Кубани остались две крупных шайки: Бубыря-Бухановского и «Степные

---

¹ *Линейный берег* — правый берег реки Кубань.

дьяволы». К первой полиция уже подбирается, есть арестованные, и скоро ей придет конец. «Дьяволы» многочисленны и очень опасны. Счет им идет на десятки. Тем, конечно, легче их поймать. Но пока изловят, эти сволочи много крови прольют.

— Появилась еще одна шайка, — сообщил полицейским товарищ министра. — Из-за нее я вас и вызвал. Она была замечена в ограблении в Новороссийске тамошнего отделения Русского для внешней торговли банка. Кубанцы, надо отдать им должное, раскрыли исполнителей. А выяснили у них следующее...

И Курлов рассказал подчиненным суть дела.

— Так что, господа, у нас очередное Высочайшее поручение. Адресное, так сказать. Государь повелел отправиться вам, Алексей Николаевич, в Екатеринодар. И предотвратить готовящееся там злодейство. Притом что главарь бандитов известен только по кличке, а объект нападения неизвестен вообще. Трудное задание, но когда они у нас с вами были легкими?

Лыков только вздохнул. Кто бы говорил...

— Выезжайте немедленно, как только получите сопроводительные бумаги, — приказал товарищ министра. — Бабычу я прикажу содействовать всеми имеющимися средствами. Полномочия дадим о-го-го. Что еще нужно?

— Может потребоваться мой помощник Азвестопуло...

Курлов едва заметно поморщился.

— ...но это я пойму, когда прибуду на место и начну дознание.

— Вот и правильно, Алексей Николаевич, — взбодрился Зуев. — Иначе некому будет текущие дела вести. А их у нас... Гос-споди, спаси благочестивые...

И директор департамента вздохнул еще печальнее, чем до него Лыков.

— А ваш грек когда-нибудь вас заменит, — вдруг продолжил действительный статский советник. — Весьма сообразительный.

Алексей Николаевич с благодарностью посмотрел на директора. Он понимал, что тот хвалит Сергея в глазах начальства не просто так, а пытается переломить генеральское недовольство.

— Два ранения о прошлом годе получил, — не унижался Зуев. — Скоро он так вас догонит... упаси Господи, конечно.

Курлов хмыкнул:

— Так он и двух наград за это удостоился: чина и ордена. Плюс переехал в казенную квартиру по соседству с премьер-министром.

Генерал имел в виду последнюю новость. Лыков воспользовался временным фавором и выхлопотал своему помощнику жилье в доме № 9 по Пантелеймоновской улице. Дом являлся соседом знаменитого здания по адресу Фонтанка, 16, — там помимо Депар-

тамента полиции находилась служебная квартира министра внутренних дел, которую сейчас занимал Столыпин. Бесплатное жилье — большая редкость в Петербурге, и для тощего кошелька грека оно являло собой большое подспорье.

— За четыре дня борьбы между жизнью и смертью не так уж и много, — пробурчал себе под нос статский советник и благоразумно вернул разговор в прежнее русло: — Екатеринодарских жандармов надо привлечь, включая железнодорожных.

— Обяжем, куда они денутся. А кто сейчас там начальник сыскного отделения? Основная тяжесть ляжет на него, вопрос-то уголовный.

— Когда открыли отделение три года назад, назначили Гапонова, — стал припоминать Алексей Николаевич. — Я учил его на курсах, он был способный...

— Гапонов? — наморщил лоб товарищ министра. — Что-то знакомое. А это не он подстрелил бежавшего смертника? Когда весь конвой раззявил рты.

— Да, тот самый, — подхватил статский советник. — Некий экспроприатор по фамилии Балашов был приговорен за свои деяния к виселице и задал деру по пути на казнь. Тогда этот случай наделал шуму. Время ночное, конвойные растерялись, и Балашов едва не избег наказания. По счастью, при казни должен был присутствовать начальник сыскной,

Гапонов, и он единственный принял меры. А именно — вынул наган и выстрелил трижды. В темноте по движущейся цели он попал двумя зарядами. Балашов выскочил-таки за ворота, но вскоре свалился, потеряв сознание. Его перевязали, чтобы чуть позже повесить.

— Вот молодец Гапонов!

— Конечно, молодец. Но в девятом году Ювеналий Иванович стал помощником полицмейстера, а должность начальника отделения занял другой. Фамилия его Пришельцев. Этот поднялся из участковых приставов, проявил склонность к сыску. Лично с ним я не знаком, но раскрываемость у него по отчетности выдающаяся...

— Однако банды поймать никак не может, — сердито возразил генерал-майор.

— А вы думаете, я приеду и за две недели там всех злодеев изловлю? — не удержался от резкого вопроса сыщик. — Так не бывает. Какой бы ни был я ипостасный.

Курлов тут же встал, подчиненные тоже поднялись.

— Поезжайте и разберитесь, — казенным тоном произнес товарищ министра. — И чтобы был результат! Его Императорское Величество оказали вам высокое доверие. Поглядим, как вы его оправдаете...

ЗНАКОМСТВО

10 марта 1911 года Алексей Николаевич сошел с поезда на перрон екатеринодарского вокзала и осмотрелся. Снега нет совсем! А когда он три дня назад выезжал из Москвы, там лежали сугробы. Юг, это уже юг. Лыков никогда прежде не был в этом городе. Что ждет здесь статского советника? Курлов чуть ли не злорадствовал. Если сыщик сломает себе шею на августейшем поручении, шталмейстер кручиниться не станет.

К приезжему подошел высокий плечистый мужчина на лет тридцати, одетый непритязательно.

— Здравия желаю, ваше высокородие. Дозвольте представиться: надзиратель сыского отделения не имеющий чина Корж.

Лыков протянул ему руку, свободную от чемодана:

— Мое высокородие зовут Алексей Николаевич.
А вас?

— Степан Матвеевич.

— Будем вместе служить какое-то время, чего язык титулами утруждать. А где начальник отделения?

— Коллежский ассессор Пришельцев командирован в Ейский отдел¹ и поручил мне вас встретить.

---

¹ Отдел в Кубанской области являлся аналогом уезда.

— Что-то срочное?

— Точно так. Массовитое убийство в юрте станции Новолеушковской. Зарезаны девять человек, включая маленьких детей.

Сыщики помолчали. Лыков лишь скрипнул зубами. Все чаще и чаще встречал он такие зверские преступления. В прежде спокойной и мирной православной стране словно вспыхнула страшная заразная болезнь. Жизни у малолетних отнимали с удивительной легкостью. Каждые несколько месяцев, а иногда и недель, приходили новые известия. Дети не могли быть свидетелями, они не представляли угрозы для гайменников, не оказывали им сопротивления. И тем не менее погибали...

— «Степные дьяволы» или Бубырь?

— Разбираемся, — коротко ответил надзиратель.

Помолчав еще немного, он спросил:

— Алексей Николаевич, куда вас доставить? Вы ведь города не знаете?

— Впервые здесь. А на ваш вкус, куда лучше поселиться?

Корж пожал литыми плечами:

— От кошелька зависит. Самой-самой считается гостиница «Центральная». На главной улице, на Красной. Напротив войскового собора. Номера со всеми удобствами, ванны, телефон, подъемная машина «Лифт»... Цены там, правда, сумасшедшие.

— В Екатеринодаре такие дорогие гостиницы?

— Дороже, говорят, чем в столицах, — ухмыльнулся Корж. — Это все нефтяная горячка. Город набили доверенные со всего света. Вчера вон американцы приехали. По мне, так большинство из них жулики. За год цена на аренду помещений выросла вдвое! Те, кто выстроил дома, теперь озолотятся. Ни одного угла свободного скоро не останется.

— Ну, тогда едем в «Центральную», — вздохнул командированный. — Пока деньги не кончатся. Далеко оттуда до резиденции начальника области?

— Резиденция — это где он живет? — догадался неимеющий чина.

— Да. В Иркутске, к примеру, это называется Белый дом. А у вас?

— У нас Атаманский дворец. Генерал Бабыч ведь не только начальник области, но еще и наказный атаман Кубанского казачьего войска.

— Ясно. От гостиницы до дворца пешком сколько минут ходу?

— Да пять всего.

— Значит, айда в «Центральную». Я должен представиться атаману и полицмейстеру. А...

— Господин Пришельцев ожидается к вечеру, — упредил гостя встречающий.

— Вот и хорошо. Ловить-то бандитов мы будем с ним и с вами, а не с генералами. Надо быстро войти

мне в курс дела. Поможете? Высочайшее повеление как-никак.

— Да мы и без повеления сил не пожалеем, — по-простому, без пафоса, ответил Корж. — Жалко город, а они вон что удумали... взорвать или сжечь. Волчье сердце! А вот не дадим!

Сыщики поехали на извозчицкой пролетке в город. Кубанец предложил питерцу прокатиться на трамвае — так дешевле. Но гость не захотел толкаться на площадке с чемоданом и выбрал фурманщика. Он с любопытством крутил головой по сторонам. А хорошо выстроен Екатеринодар! Деревянных домов почти не видать, все больше каменные. Много новых зданий, часто интересной архитектуры. Лыков любил на новом месте изучать особенности, присущие лишь здешним краям. Его внимание привлек кирпич. Удивительно, как здорово использовали его кубанцы. Башенки, наличники, пилястры, отделка фронтонов — такого изобилия сыщик не встречал еще нигде. Ведь весь этот кирпич, чтобы сделать фигурным, надо обтесать. Что долго и дорого. Проще выложить обычную кладку, ну, чуть-чуть где-нибудь приукрасить... А тут что ни дом, то собственное лицо. Обыватели не жалели средств, чтобы выделиться. И еще много изящных женских головок на фасадах — к ним у населения была явная слабость.

Лыков поделился наблюдениями с сопровождающим:

— Эх у вас дома отделаны! Глаз радуется.

— Да, кирпич у нас много вырабатывают. Заводов чуть не два десятка и глина хорошая.

— Так ведь дорого тесать, а тешут. Вазоны то и дело, чугунные решетки тонкого рисунка...

Корж польщено улыбнулся:

— Домохозяйева у нас любят украшательства, да. Медом не корми, дай выскочить из шеренги.

— Грязно только, — не удержался от критики приезжий. Но тут же перевел разговор на другое: — Степан Матвейч, но доходных домов я вовсе не вижу, только особняки. В один этаж притом, редко увидишь в два. Где же у вас пришлые селятся? А военные? Не иначе квартирный кризис.

— Есть недостаток в наемном жилье, — согласился надзиратель.

— А почему казаков на улицах так мало? Я ожидал, что у вас как в Новочеркасске: сплошь люди в лампахах. Тут ведь столица войска.

— Ну и что? Екатеринодар начинался как военное поселение, и тогда, конечно, казаки все решали. Но Александр Второй его перевел на обычное управление. И теперь у нас как у всех: царят иногородние.

— Правда? — опешил Лыков. — Вроде бы станичники — оплот власти. Зачем их обижать?

— Рассказываю, как было, — отрезал неимеющий чина. — Раскололи казаков. Хочешь остаться в сословии — уезжай вон из города. Цепишься за город — переводись в мещане. Людям пришлось выбирать. Те, у кого здесь была торговля, дом, земля в хорошем месте, — куда они уйдут? Перелицевались. А кто решил сословия своего славного не менять, перебрались в станицы. Так что те казаки, кого вы сейчас видите, — это служивые. В Екатеринодаре стоит казачий полк, отдельный пластунский батальон и конно-артиллерийская батарея. Ну, еще войсковой штаб, госпиталь, в администрации много людей носят малиновые лампасы¹. Полицмейстер Захаров вон в чине есаула. А все равно казаки уже прежнего влияния не имеют.

— А кто имеет?

— Богачи, кто же еще? Прежде табаководы задавали тон. Мы же главный поставщик табаку в России. Сейчас, судя по всему, нефтяные дельцы войдут в силу. А вообще — хлеб. Места южные, плодородные. Тепло очень — летом прямо хоть ложись и помирай от зноя. Зато все растет. Так что кубанцы сильны своей почвой.

---

¹ Кубанскому казачьему войску был присвоен малиновый цвет (лампасы, башлыки, выпушка, погонны, донце папахы и т. п.).

— А промышленность не ваш конек? — поддел местного гостя.

— Не наш. Тут больше эти... аграрии. И торговля процветает. А железяки точить — это не к нам, пожалуйста в другие места. Есть механические и литейные заводики, но все невеликие. Маслобойные не в пример больше будут...

Между тем пролетка миновала привокзальные строения и вырвалась на длинную прямую улицу, украшенную триумфальной аркой.

— Это Екатерининская, — пояснил Корж. — В арку проезжал покойный государь Александр Третий, когда посетил город, вот и оставили на память. Как доедем до Красной улицы, повернем направо, к гостинице. А налево будет к Атаманскому дворцу. Советую вам, Алексей Николаич, вечером прогуляться по Красной взад-вперед. Получите удовольствие.

— Непременно. Надо только сначала заселиться, объехать начальство и... Когда примерно вернется Пришельцев? Ваше отделение в здании городского полицейского управления?

— Нет, нам выделен дом номер шестьдесят семь по Посполитакинской улице. Арендуем у Котляревского. От управления далековато будет.

— И как я вас отыщу вечером?

Надзиратель удивился:

— Вы же по Высочайшему повелению. Тут все во фронт вытянутся. Господин коллежский асессор велел мне сопровождать вас весь день и к вечеру привести в отделение. Он вернется часов в восемь-девять, сразу и познакомитесь. Кота тянуть за хвост никто не станет. Шутка ли — диверсия готовится. Мы сами уж всю голову сломали.

— И какие мысли?

— Главная мысль такая: войсковые склады. Не иначе как их думают взорвать, лоп-перелоп. А там снарядов не сосчитать сколько. В Кубанском войске пять конно-артиллерийских батарей, и весь их запас хранится в погребах за казармами Самурского полка. Это на краю города, возле кладбищ. Охрану там сразу усилили, как узнали. Но все же боязно. Хорошо, что государь вас прислал, городу внимание лестное. И новый свежий взгляд: может, мы чего-то забыли или не учли?

Они выехали на Красную улицу, и статский советник ахнул. Какие магазины! Все замощено, дамы в дорогих манто, множество шикарных экипажей, и даже одинокий автомобиль катит, пугая лошадей клаксоном. Не хуже Одессы или Ростова, по крайней мере здесь, на главном проспекте.

Гостиница «Центральная» оказалась трехэтажным строением непонятной архитектуры, смахивающей на ложную готику. Оно было облицовано майолико-

вой плиткой приятного зеленого цвета. Внизу торговые помещения, верхний этаж украшен башенкой с лепниной: Аполлон наяривает на каком-то инструменте¹, а ему внимают античные дамы и пейзаже... Номера располагались на углу с другой престижной улицей, Гимназической. Корж пояснил, что это из-за мужской и женской гимназий, что стояли на другой стороне площади.

Лыков заселился в номер на втором этаже, окнами на крышу какого-то странного дома с вазонами и огромным флюгером. Всезнающий надзиратель сообщил, что это особняк братьев Богарсуковых, одних из самых богатых жителей Екатеринодара. Кстати, хозяев «Центральной». Он счел нужным многозначительно добавить:

— Братья — черкесогаи, потому делают тут что хотят.

Алексей Николаевич его понял. Черкесогаи, или закубанские армяне, — особая публика. Триста лет назад они пришли на Кубань, по-видимому, из Крыма, спасаясь от гонений мусульман. Беженцы поселились среди адыгов, которые, хоть и молились Аллаху, терпимо относились к другим религиям. Армяне переняли быт черкесских народов, их одежду, оружие, привычки и даже язык — все, кроме веры. Образова-

---

¹ На кифаре (древнегреческая разновидность лиры).

лось немногочисленное общество, горское по образу жизни, христианское по религии и торговое по складу характера. Когда русские пришли покорять этот край, наступило золотое время для черкесогаев. Они стали посредниками между двумя мирами. А тут еще знаменитый генерал Засс переселил триста их семей поближе к русским, вблизи крепости Прочный Окоп. Ловкие коммерсанты тут же извлекли выгоды из своего положения. Они брали и с тех, и с этих, помогая сторонам договариваться, обмениваться товарами и в конечном счете уживаться друг с другом. Когда Кавказская война закончилась, у горских армян оказалось собственное селение Армавир, ставшее затем столицей Лабинского отдела. Деятельные, оборотистые, а главное, принятые обоими противниками в полувековом конфликте, черкесогаи сильно разбогатели. И теперь составляли на Западном Кавказе влиятельную этническую группу.

Командированный попросил надзирателя подождать его в ресторане и угоститься пока на его счет пивом. Корж согласился. Лыков быстро принял ванну, побрился, надел сюртук со старшими орденами, а Станиславскую ленту сунул покуда в карман. Забрал Степана Матвеевича, но сразу в Атаманский дворец не пошел. Первым делом статский советник помолился в войсковом соборе — за здоровье родных и по случаю приезда. И лишь после этого приказал

Коржу отвести его к начальнику области. Еще он окинул взглядом дом Богарсуковых. Красиво, почти палатца. Правда, с лепниной архитектор явно переборщил и перегрузил фасад мелкими деталями, особенно по второму этажу. Видать, хозяевам это нравится...

До дворца действительно оказалось пять минут ходу. Лыков осмотрел по пути начало Красной улицы. Очень она ему понравилась, вот только булыжник под ногами он нашел неудобным: мелковат. Спутник пояснил, что в Кубани другого не водится, используют тот, что есть.

Идти к Атаманскому дворцу пришлось мимо памятника Екатерине Великой. А когда сыщик увидел резиденцию начальника области, город окончательно его обаял. Казаки неожиданно обнаружили и вкус, и понимание гармонии — не в пример черкесогаям.

Приказный на входе козырнул, пропуская увешанного орденами посетителя. В приемной Лыков приладил ленту и назвал секретарю. Тот зашел к шефу и тут же вышел:

— Прошу! Вас ждут.

Генерал-лейтенант Бабыч поднялся навстречу столичному гостю с дежурной улыбкой, но смотрел настороженно. Вдруг он увидел солдатский Георгий.

— Что это у вас? Где удостоились?

— В Кобулетском отряде.

— На Русско-турецкой? А я вот за взятие аула Сочи получил, в шестьдесят четвертом, еще юнкером.

И хозяин кивнул на свой чекмень, где среди других наград висел такой же знак Военного ордена четвертой степени¹.

Мужчины сразу повеселели: эх, молодость... Были когда-то и мы рысаками...

Бабыч для своих лет (а ему шел седьмой десяток) выглядел бодро. Усы и борода, правда, седые, и голова почти облысела. Но начальник области производил серьезное впечатление. Алексей Николаевич знал, что тот успел повоевать. Он застал окончание Кавказской эпопеи, потом резался с турками на Второй Восточной², участвовал под командой Скобелева в Ахалтекинском походе. В 1908 году, когда власть стала сдавать под натиском терроризма, Бабыча поставили управлять Кубанской областью. Он быстро вернул авторитет администрации, перевешал бомбистов, успокоил население. Коренной казак, да еще и сын знаменитого Павла Денисовича Бабыча, он был для людей своим. Отец, кавалер золотого оружия и семи орденов с мечами (и еще множества без

---

¹ Официальное название солдатских Георгиевских крестов.

² *Вторая Восточная война* — Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

мечей), в середине прошлого века покорил черкесов. Тень его славы падала и на сына.

Сыщик и генерал сели и потребовали чаю. Когда секретарь вышел, наказный атаман задал первый вопрос:

— Вы почему не заехали сначала в Тифлис, представиться наместнику?

— Времени мало, как-нибудь обойдется граф.

— Его сиятельство очень обидчив. Не боитесь нажать врага?

Лыков ответил обстоятельно:

— Когда я был молодой, старался со всеми быть в добрых отношениях. И для службы полезно, и вообще... Но с годами надоедают наши китайские церемонии.

— Хм. Отчего граф Воронцов назвал государю именно вас? Знал по прежней службе?

Лыков пожал плечами:

— Нет, мы лишь поверхностно знакомы, никогда вместе не служили.

— Так в чем же дело?

— Думаю, меня рекомендовал Ширинкин¹. Евгений Никифорович знает меня много лет, с тех пор когда мы вместе охраняли предыдущего государя.

---

¹ Ширинкин Е. Н., генерал-лейтенант — тогда бывший помощник наместника по полицейской части.

— Понятно. Вы приехали по Высочайшему поручению, так сказано в телеграмме Курлова...

— Да. Полномочий полный карман, но это все-го-навсего бумаги. Без вашей помощи, без жандармов с сыщиками я пустое место.

Генерал разволновался и перешел на местное наречие:

— Мы всей душой, Алексей Николаевич. Сами понимаете: живем здесь. Ведь не халаш-балаш!¹ Только-только маленько успокоились, и вот — какой-то вражий мнэц хочет нас взорвать. А давайте ему зябры завернем!

— Давайте, — согласился гость. — Про Вариводу, понятное дело, я буду говорить с Пришельцевым. Вы мне скажите вот что: сам Пришельцев на своем месте?

— Вполне. Твердый, опытный. Он ведь раньше был приставом на хуторе Романовском. Это такая по-мойка, что поискать. Шибенники, бродяги, чуть не в каждом дворе притон. Александр Петрович с ними управлялся и сейчас весь город тащит. Да что город — целую область. То и дело я командирую его в разные концы помочь местной полиции. Вот и сейчас он в Ейском отделе. Там очередное происшествие, такое, что мурашки по коже. Четырех детишек зареза-

---

¹ *Халаш-балаш* — пустяки.

ли, анцыбалы. Самой младшей три дня от роду, даже окрестить не успели. А ее ножом...

— Михаил Павлович, таких анцыбалов сейчас по Руси все больше и больше.

— Раньше не было! Откудова они взялись, из какой прорехи? Вот время настало...

— И раньше были. Я еще в тысяча восемьсот семьдесят третьем году одного такого на листовнице вздернул. Собственноручно, и испытал от этого облегчение... Нелюдь детишек пытал, спрашивал, где отцова казна. Так что зла у нас бессчетно. Но продолжим. А полицмейстер Захаров что за человек?

— Фасон гнет будь здоров, — неодобрительно сообщил Бабыч. — Я его приметил еще в Карсе, когда был там военным губернатором. Вроде бы в те поры он честно служил, старался. Перетащил я молодца сюда, а теперь жалею. В нем что-то сломалось. Захаров с Пришельцевым живут как кошка с собакой. Для дела это убыток, понимаю...

— Зачем же вы его держите?

— Между нами, есаул скоро уйдет. Вернется обратно в Карс, на должность тамошнего полицмейстера. Содержание выше, и есть возможность выслужить чин подполковника. Так что не берите его в расчет.

— А жандармы?

— Сейчас от них толку мало.

— Сейчас? — зацепился за слово сыщик. — А прежде?

— Прежде у нас имелся охранный пункт, которым командовал полковник Засыпкин. Вот он был на своем месте! Всех бомбистов, анархистов, социалистов из Екатеринодара вычистил. Федор Андреевич стал бы вам хорошим помощником. Да не судьба. Он теперь большой человек, полицмейстер Тифлиса. Кадр пункта влили в жандармское управление. Агентуру, что подобрал Засыпкин, туда же. И... она там, агентура, затерялась, что ли. По крайней мере, я уже давно не получаю надежных секретных сведений.

Лыков посмотрел на часы и продолжил расспросы:

— В какой мере я могу полагаться на Тихобразова?

Полковник Тихобразов был тем самым начальником КОЖУ, от которого генерал давно не получал надежных сведений.

— Мне кажется, он себе на уме и за холодную воду не берется.

— Простите, не понял...

Бабыч хмыкнул в седые усы:

— Это наша пословица, кубанская. Так говорят о лентяях.

Пришла очередь Лыкова улыбаться. Генерал дипломатично добавил:

— Впрочем, могу быть неправ.

Лыков поднялся.

— Михаил Павлович, спасибо за откровенный разговор. У вас полно дел, откланиваюсь. Буду держать вас в курсе, располагайте мною. Последний вопрос: что в городе под угрозой? Что могут взорвать Варивода и его банда?

— Войсковые артиллерийские склады, — уверенно ответил генерал-лейтенант. — Ничего другого, столь же опасного, в Екатеринодаре просто нет.

— Это облегчает задачу.

— Езжайте к Захарову. Ему телефонируют, чтобы сидел и ждал вас, никуда не отлучался. Как только осмотритесь и появятся вопросы — заходите. Моя дверь всегда открыта.

— Честь имею!

Выйдя на улицу, Лыков под конвоем Коржа отправился в полицейское управление. По пути он спросил:

— Степан Матвееч, а что за контры у Пришельцева с Захаровым?

— Это вам генерал сказал? Есть такое... Полицмейстер нас, сыскных, в грош не ставит. Так и норовит подгадить, да все по ерунде. Пустой человек.

Надзиратель глянул на извозчика и понизил голос:

— С чего все началось, никто понять не может. А о прошлом августе... Через Екатеринодар проезжал министр юстиции. Начальство, как полагается, собралось на вокзале представляться. И Александр

Петрович приехал, загодя. Прокурор его увидел и поставил возле начальника тюрьмы. Ну, он стоит, где велено... В последнюю минуту прискакал Захаров как оглашенный. Опоздал, самому, видать, неловко. И наскочил на Пришельцева. В грубой самой что ни на есть форме велел ему отойти подальше.

— Почему он так сделал? Начальник сыскного отделения стоит возле начальника местной тюрьмы. Что тут такого?

— Да леший разберет. Ну, Александр Петрович на ногу себе наступить никому не дает, мужчина с амбицией. А тут еще при всех! Он ответил полицмейстеру, что находится там, где ему указало начальство в лице окружного прокурора. А есаул еще громче стал хаять. Я-де над вами начальство и сейчас же вас выгоню. Революционер и нахал, вот как.

— Прямо этими словами? — поразился питерец. — При всех?

— Так точно. Наш никуда, конечно, не ушел, тем более что министр вскорости подъехал. Но на другой день подал начальнику области рапорт. Завязалась переписка, объяснения, запросы... Кончилось ничем, но обиды остались. Потом мы взяли банду Полондры, и армяне решили отблагодарить Александра Петровича. Злодеи-то, которых он поймал, убили всю семью Саркисовых, и диаспора, значит, захотела его поощрить. Обратились к Бабычу: пусть разрешит на-

чальнику сыскной принять от населения подарок — золотые часы. Бабыч ответил в таком духе, что разрешить не может, но не может и запретить обывателям выразить свои чувства. Ну, ребята собрали деньги, они все не бедные. И преподнесли господину коллежскому асессору. Триста рублей стоят те часы, красота! Александр Петрович принял. Заслужил, вестимо. Такая банда, столько зла наделала, а мы их расчихвостили. По совести, нам бы всем надо награду дать, однако начальник есть начальник. И тут опять влез не в свое дело полицмейстер. Написал рапорт, а правильное сказать, донос. Пришельцев-де взял дорогой подарок, который ему генерал-лейтенант принимать не разрешил. Ку-ка-ре-ку, ку-ка-ре-ку! Шум на всю станицу. Бабыч разбирался, разбирался, да и плюнул. Некогда, мол, ваши кляузы читать, дел и без того полно. То есть задним числом не то чтобы разрешил, но закрыл глаза. Понимает, что Пришельцев подарка достоин, а сам себе такую вещь, при копеечном нашем жалованье, никогда позволить не сможет.

Надзиратель перевел дух и продолжил:

— Ну, с той поры отношения совсем развинтились. Есаул стал коллежскому асессору ногой указывать¹. Например, требовал ежедневных отчетов.

---

¹ *Указывать ногой* — требовать беспрекословного повиновения.

Начальник отделения написал прокурору: если те отчеты сочинять, то некогда будет жуликов ловить. В штатах три надзирателя да четверо городских. Прокурор согласился и разъяснил начальнику области никчемность придинок. Потом Захаров не пустил из управления арестанта Гоцева к нам на допрос, на Посполитакинскую. Начальник сыскной пусть сам ходит к арестанту! Дурь же, совершеннейшая глупость. А ему лишь бы насолить. Пришельцев — Бабычу: я за пять месяцев арестовал сто восемьдесят три жулика. Ежели всякий раз, чтобы их допросить, стану бегать в управление через весь город, когда же службу исполнять? Тогда Захаров разрешил доставить Гоцева на допрос в сыскное отделение, но чтобы конвоировали его при этом наши городовые. Два, а их у нас всего четверо! Пришельцев снова пишет Бабычу: люди наперечет, завалены сыскными обязанностями по горло, как можно их так расточительно использовать? Ведь наши ребята-городовые и слежку ведут, и дознания, и розыски. А общая полиция чего? По улицам порядок наблюдает. Почему же не им арестанта водить, а нам? И так каждый день всякое разное. Извините, Алексей Николаич, я вам по-простому скажу: у нашего полицмейстера голова на плечи не тем концом надет.

Лыков ехал и думал: вот она, русская реальность... Вокруг грабят и убивают людей, а полицмейстеру не

чем себя занять, кроме как ставить палки в колеса начальнику сысского отделения. Надо, конечно, поглядеть, что за фрукт этот Пришельцев. Не сам ли он дает поводы к склокам. Но в Петербурге перед отъездом статский советник посмотрел отчет из Екатеринодара за минувший, 1910 год. Раскрыто грабежей простых — 100%, вооруженных — 100%, убийств — 100%, мошенничеств с подлогами и вымогательствами — 100%, растрат — 100%. Феноменальные показатели, большинству отделений они и не снились. Само собой, есть и упущения: из краж со взломом раскрыто лишь 13%. Черт бы с ними, главное, что убийцы и грабители все изловлены. Но вот коллежский асессор встал не туда при визите министра, и, значит, нужно его публично оскорбить.

Наконец они приехали. Здание городского управления полиции выглядело неказисто: в полтора этажа, обшарпанное и окрашено в какой-то грязно-бурый цвет. На крыльце маялся чинуша с газетой в руках. Оказалось, это секретарь управления, а газету он держал неспроста: в ней фотография Лыкова, которая должна была помочь опознать гостя.

Алексей Николаевич попал в газеты не в первый раз. Теперь поводом послужило его участие в разгроме остатков шайки Савицкого. Самого атамана застрелили еще два года назад под Гомелем, но некоторые из его подручных сумели скрыться. За банди-

тами числилось более сорока убийств. Военный суд в Чернигове приговорил четырех главных виновных к смерти, восьмерых — к бессрочной каторге. Народ облегченно вздохнул, как вдруг спустя время в Киеве опознали некоего Курилло. Головорез спокойно работал официантом в ресторане Соловцова! Киевское сыскное передало дело Департаменту полиции, и Лыков с Азвестопуло поймали еще пятерых забытых следствием членов знаменитой шайки.

Статский советник вошел в кабинет полицмейстера. Тот встретил его стоя навытяжку:

— Ваше высокородие...

— Здравствуйте, Дмитрий Семенович. А меня звать Алексей Николаевич. Давайте попьем чаю и поговорим.

Захаров оказался бесцветным человеком с глазами как две заслонки. Увидав приветливое обращение гостя, есаул еще более насторожился. Лыков с полчаса, как мог доброжелательно, рассказывал ему о своем поручении. Они согласовали обязанности, выпили по три стакана чаю. Наконец командированный осторожно спросил:

— Главным помощником мне будет ведь Пришельцев?

— Точно так. На мне целый город, ответственность, то да се. Верите: ночей не сплю, все о службе думаю. У нас ведь как: нынче атаман, а завтра яман.

Приходится крутить, как цыган солнцем¹. А Пришельцев...

— Что он за человек?

— Ему лишь бы отчет гладкий был. К службе совершенно равнодушен. Взятки золотыми часами берет... А начальник области не препятствует. Дисциплины никакой: мне, полицмейстеру, отказывает в рапорте!

— Но если глядеть в отчеты, то раскрываемость у него на высоте.

Захаров вспыхнул:

— Это еще надо проверить его отчеты! Пришельцев хорош очки втирать. А банду «Степных дьяволов» второй год изловить не может.

— Я вас понял, Дмитрий Семенович, спасибо за откровенность. Буду согласовывать с вами каждый свой шаг. Но коллежский ассессор по должности обязан быть мне ближайшим помощником.

— Так пусть и покажет себя. Увидите: опростоволосится. Скорее груши на вербе вырастут, чем Пришельцев поймает Вариводу.

— Вы не знаете, когда начальник сыскной вернется в город? — сменил разговор питерец. — Мне с ним хотелось бы увидеться уже сегодня, хоть за полночь.

---

¹ Успевать везде.

— Алексей Николаевич, — вкрадчиво заговорил есаул, — у вас ведь в кармане Высочайшее повеление. Вы здесь все можете. Верно?

— Ну...

— Вот и воспользуйтесь правами. Присмотритесь к этому прощелыге, и непременно увидите, что я прав. Тогда и... снять его, шахрая¹, с должности. А?

— Дознание покажет, каков на самом деле ваш подчиненный. И все же как мне его увидеть?

— Я распоряжусь, чтобы он вас ждал. Сейчас коллежский асессор в Ейском отделе, но к вечеру обязан вернуться. Мне, конечно, он докладывать не будет, а сразу пойдет к Бабычу. Любит к начальству шастать, усердие показывать.

— Но ведь именно Михаил Павлович послал его в отдел. Поэтому и доклад ему.

Полицмейстер смугился:

— Да, однако ведь и я ему начальник. И тоже желаю знать про дознание.

В разговоре возникла заминка.

— Не хотите ли еще чаю? Или есть коньяк.

— Нет, спасибо. Я пойду.

— Позвольте вас сопроводить, — вскочил есаул. — Покажу все эти... достопримечательности. Город у нас красивый.

---

¹ *Шахрай* — жулик, мошенник.

— У вас дел выше головы. Я сам, не беспокойтесь.

— А где остановились, Алексей Николаевич?

— В «Центральной».

По лицу Захарова пробежала непонятная гримаса:

— Так-то конечно... с такими прогонами... по чину пятого класса, да еще по Высочайшему повелению...¹

— Не в ту гостиницу поселился?

— Нет, что вы. Но там номер десять рублей в день!

— Куда деваться? — развел руками сыщик. — Все говорят: нефтяная горячка. И потому дерут втридорога.

— Ох, разбойники хуже Полюнды...

Лыков простился с полицмейстером и вышел в приемную. Корж тут же вскочил: ловкий, подтянутый.

— Куда теперь, Алексей Николаич? До возвращения Пришельцева еще часа три.

— А давайте по городу пройдемся. Люблю новые места узнавать. Захаров сейчас предлагал себя в чичероны, но я отказался. Пиво в Екатеринодаре есть хорошее?

---

¹ Лыков, будучи в чине пятого класса, получил прогоны за 6 лошадей по 2,5 копейки с версты и лошади. В итоге его прогонные составили 15 копеек с версты. За расстояние до Екатеринодара (2180 верст) ему полагалось 327 рублей в один конец, или 654 рубля в оба конца. При командировках по Высочайшему повелению прогоны удваивались, стало быть, Лыкову выдали 1308 рублей. Притом что он отдал за билеты в поезде в первом классе в оба конца 70 рублей.

— Так точно! Завода Ирзы, «Новая Бавария» называется. У них собственный артезианский колодец, в котором лучшая в городе вода; они ею даже торгуют. Пиво первоклассное.

— Хочу его распробовать. Еще я из пролетки видел раковарню. Хорошее заведение, мне такие лишь в Ростове встречались. В Кубани разве тоже раки водятся? Говорят, она мутная.

— Это известка ее мутит, а так ничего. А раков ловят в притоках да в горных речках. Ну, идемте. Что еще желаете увидеть, кроме раковарни?

— Красивые улицы с интересными домами.

— Ну, лучшую вы уже смотрели. Пойдемте остальные глядеть. Пива или чего покрепче отведаем. А там и Александр Петрович вернется.

• 4 •

**ГОРОД ЕКАТЕРИНОДАР,
МАРТ 1911 ГОДА**

Скромное поселение заложили на Кубани в 1793 году. Сначала это был укрепленный лагерь, затем — военная крепость. Требовалось освоить земли, пожалованные Екатериной Второй Черноморскому казачьему войску за ратные подвиги в очередной Рус-

ско-турецкой войне¹. Согласно грамоте, казаки получили в вечное пользование территорию по правому берегу реки от Таманского полуострова на западе до Усть-Лабинского укрепления на востоке. Закубанские горцы не обрадовались соседям, и разгорелась многолетняя резня. Долгое время основные события кавказского противостояния происходили в Чечне и Дагестане да на Черноморской линии. Но и здесь черкесы скучать казакам не давали... Лишь в 1860 году город стал административным центром вновь образованной Кубанской области, и люди смогли перевести дух. В том же году появилось Кубанское казачье войско. Его создали из Черноморского войска, влив в него дополнительно первые шесть бригад, пеший батальон и две конные батареи Кавказского линейного казачьего войска. А затем реформы продолжились. Полувековое покорение Кавказа наконец-то завершилось, началась мирная жизнь.

Тогда уже крепость доживала последние дни. Правильнее было бы назвать ее земляным укреплением с редутами по углам. Кирпичных строений было мало, преобладали турлучные². Крепость заняла так называемый Карасунский кут — болотистое место

---

¹ Война 1787–1791 гг.

² Турлучные дома имеют деревянный каркас, обмазанный глиной с добавлением соломы, камыша и навоза.

между Кубанью и протокой Карасун, соединяющей Старую Кубань с нынешней. Соответственно и весь город оказался зажат между рекой и протокой и мог расти только на север. Он состоял тогда из нескольких десятков очень грязных улиц. К северо-востоку от крепости располагалась казачья станица Екатеринодарская. Черту города на севере обозначал земляной оборонительный вал с пятью проездными воротами. Заправляли всем военные.

В 1867 году Александр Второй дал Екатеринодару сильный толчок, переведя его на общее управление. Казаки, решившие остаться, переписались в мещане. Зато появились так называемые иногородние: предприимчивые люди другого образа жизни. Многие из них были с деньгами, они открыли лавки, магазины, заполнили базары. Заработали заводы и фабрики, резко выросли торговые и промышленные обороты. В 1887 году одна из станций Владикавказской железной дороги — Тихорецкая — соединилась с Екатеринодаром, а еще через год линия была доведена до Новороссийска. Это очень оживило город, привлекло в него новые капиталы. Кубань судоходна от впадения в нее Лабы и до самого устья, до Азовского моря. Таким образом вчерашняя земляная крепость сделалась важным транспортным узлом.

Прежний «мокрый угол», где каждое лето царствовала малярия, стал хорошесть. Город раскинулся

в низине, а окраины его находились на возвышении. Центр из-за этого оказался болотистым, и много сил пришлось потратить на его дренаж. Карасун в нескольких местах перекрыли проездами, построили дамбу, и полноводный прежде поток превратился в цепь озер. Улицы стали мостить, воду сбрасывать в Кубань, глинобитные дома заменять кирпичными.

Сейчас Екатеринодар представлял собой южный город со стотысячным населением, бойкий и живой. По-прежнему зажатый с трех сторон, он разрастался на север. Южная его часть, самая старая, называлась в народе «панской». Тут располагались Атаманский дворец, памятник Екатерине Великой, несколько красивых особняков, казенные здания — Окружный суд, областное правление, почтово-телеграфная контора. На месте упраздненной крепости стояла войсковая больница. От нее шла на север главная улица — Красная, Невский проспект кубанской столицы. Справа и слева от нее тянулись длинные продольные улицы, горожане называли их боковыми. Самыми престижными из них были Бурсаковская и Рашилевская. Поскольку городской треугольник от реки расширялся, на востоке добавлялись улицы Борзиковская и Котляревская, а на западе Посполитакинская, Медведовская и Гривенская. Эти восемь продольных улиц пересекали двадцать поперечных, создавая сетку кварталов. В восточной части бывшая

казачья станица сделалась Дмитриевкой, выше нее расположилась Покровка. Улочки на окраинах были застроены скромно, торговля шла незамысловатая, грязи по колено... Еще восточнее пролегла железная дорога, а за ее полотном широко раскинулась Дубинка, главная головная боль городской управы. За Дубинкой город переходил в Сады. Сто двадцать два фруктовых сада сплошной полосой тянулись на семь верст до казачьей станицы Пашковской, создавая летом отличные условия для жизни бездомных.

На западе город ограничивала Кубань. Там находились пристани и дровяные склады.

«Панская» часть незаметно переходила в деловые кварталы города. От Старого базара и до памятника двухсотлетию Кубанского войска по улице Красной тянулись шикарные двух- и трехэтажные дома. Внизу помещались магазины, наверху — конторы, гостиницы, съемные квартиры. Войсковой Александро-Невский собор называли Белым за цвет его стен. Он был окружен зданиями, которые украсили бы и столицы: особняк Богарсуковых, «Гранд-Отель», гостиница «Центральная», мужская и женская гимназии, реальное училище. Правда, немного в стороне от Красной все как-то мельчало, но и там, на Екатерининской, Штабной, Графской улицах попадались красивые особняки, населенные богачами. Нувориши выкупали родовые земли у наследников прежних казачьих

атаманов: Рашпиля, Бурсака, Котляревского, Вареника, Косолапа. И задавали тон в областном городе.

Самыми богатыми людьми оставались черкессаи — братья Тарасовы и братья Богарсуковы. Очень выдвинулись мукомолы, такие как Дицман. Две его огромные паровые мельницы работали с утра до ночи, перемалывая урожайное кубанское зерно. Видную роль играли табаководы, но к ним у общества имелись нарекания. Табак разводили преимущественно греки и турки, на плантациях и фабриках работало много женщин и девочек, и случались неприятные истории.

Промышленность Екатеринодара составляли множество кирпичных и кожевенных заводов, а еще маслобойные, шубные, консервные и мыловаренные. Местность вниз по Кубани, за конно-артиллерийской батареей, так и называлась — Кожевенные заводы. Там же обжигали кирпич, а еще его делали за тюрьмой, вверх по реке.

В последние два года в городе появились новые баловни судьбы — нефтепромышленники. Открытие Майкопских месторождений обещало городу скачок вверх. С буровых тянули сюда нефтепровод, за садом Шика строили завод «Кубаноль», который должен был производить оборудование для нефтедобычи. Екатеринодар наводнили комиссионеры, среди которых было немало иностранцев. Цены на недвижимость взлетели до небес.